

Франческа Тускано – Михаил Кузьмин

– *Михаил Савельевич, вы поэт, афорист, теоретик, журналист... А кто вы по-своему внутреннему ощущению?*

– В разные периоды жизни мне приходилось заниматься разными делами, разным трудом. Не только интеллектуальным, но и физическим. Да и в течение дня разброс занятий – тоже большой. Моё любимое время для работы – это утро. И в данном случае не важно: пишу ли я статью или стихотворение. Просто утром я чувствую себя максимально свежим, чистым, незапятнанным, даже прозрачным. Сквозь меня легко проходят лучи и мысли. Да и я сам утром тоже испускаю лучи. Не буквально, конечно.

– *За долгие годы у вас сложился утренний ритм работы?*

– Совершенно верно. Мне кажется, что все свои основные и самые важные произведения я написал именно утром. К вечеру или к ночи я, увы, становлюсь слишком грязным, слишком запятнанным... Не усталым, а именно непрозрачным. Увы, социум делает своё грязное дело. Но к утру я снова чист, и готов работать со словами, которые тоже чисты, свежи и даже хрустальны...

– *А бывают ли грязные (слишком затасканные) слова?*

– Бывают, но я стараюсь их избегать. Правда, я стою на той точке зрения, что и банальные, слишком затасканные, слова можно обновить и освежить. Если постараться, конечно.

– *Как?*

– Просто протереть их, тряпочкой, как стекло. Вот пример короткого стихотворения, в котором я использую самые обычные слова, которые вдруг начинают звучать по-новому....

Кукле 80 лет,

И кричит она,

как в детстве:

– Мама !

– *Если я правильно вас поняла, то вы не делаете различия между своими занятиями и своими ипотасями?*

– За меня это делает сама жизнь. Просто есть периоды, когда я интенсивно занимаюсь (и занимался) журналистикой. Сейчас, например, больше времени отдаю миниатюрным жанрам (фрагментам, размышлениям, афоризмам). Не исключено, что вот-вот переключусь на стихи или эссе.

– *Поэзия вам не мешает заниматься журналистикой?*

– Не мешает. В кругу коллег-журналистов я как раз и являюсь тем самым журналистом, который поэтически смотрит на мир. То, что нельзя делать обычным журналистам, можно делать мне, журналисту-поэту. Но это право надо было завоевать... И я его завоевал...

– *В чём разница между обычным журналистом и журналистом-поэтом?*

– Обычный журналист строго придерживается фактов. Он во власти фактов... Я же могу выдвигать всевозможные гипотезы (даже бредовые). За факт я не держусь, я от него лишь отталкиваюсь... И вообще, мне очень нравится мистифицировать реальность. С помощью мистификаций (и гипотез) я делаю окружающий мир своим. Присваиваю его... Резюмирую, если журналист держится за факты, то я – держусь за интуицию. Я ей доверяю.

– *Можете привести пример какого-нибудь текста (статьи, эссе), рождённого из интуитивного прозрения?*

– Могу. И, кстати, первоначальный импульс я получил однажды от фильма Пьера Паоло Пазолини *Accatone* (Аккатоне, 1962). Когда я смотрел этот кинофильм во второй или в третий раз, я стал обращать внимание уже не на главных действующих лиц, а на второстепенных – на детей, на мальчишек, которых в этом фильме довольно много. Этим мальчикам в фильме лет по 11-13. И я вдруг сообразил, что в 1962 году мне тоже было ровно столько же лет! Я почувствовал себя их ровесником. Я стал к этим итальянским мальчишкам приглядываться, присматриваться и заметил, что они (по своему поведению) действительно очень похожи на меня. Я нахожусь здесь, в Петербурге, а они там, в пригороде Рима. И мы всё равно похожи. Нас объединяет очень многое...

– *Это, так сказать, прелюда...*

– А интуитивное прозрение состоит вот в чём. Мне кажется, что люди, которые являются не просто современниками, а и ровесниками, сохраняют свою «похожесть» на всём протяжении своего жизненного пути. Как будто бы сам Творец закладывает в них один и тот же замысел одну и ту же сверхзадачу...

– *И какое эссе родилось у вас из этого постулата?*

– В 2003 году исполнилось 100 лет со дня рождения американского художника русского происхождения Марка Ротко (Mark Rothko) и русского поэта Николая Заболоцкого. Они – ровесники. Мне захотелось их сравнить и узнать, насколько они похожи и близки друг другу по мироощущению и по творчеству. В Эрмитаже (в Зимнем дворце) непосредственно к столетию Марка Ротко открылась большая, фактически ретроспективная, выставка его работ. А в Пушкинском доме (Институт русской литературы) в это же время прошла большая международная конференция, посвященная

творчеству Николая Заболоцкого. Я принял решение сравнить двух ровесников – Ротко и Заболоцкого. Естественно, я сравнивал картины и стихи...

– *И каков был результат?*

– Со стороны может показаться, что это очень спекулятивное занятие. Но я действительно обнаружил много общего в стихах и в картинах. Как будто бы Ротко и Заболоцкий, не сговариваясь, делали одно общее дело, но в разных жанрах. Я был очень удивлён и очень доволен. Мне даже удалось опубликовать в одном из журналов небольшую статью об этом эксперименте. Так что интуиция восторжествовала...

– *На ваш взгляд, русская поэзия в настоящее время всё ещё играет важную роль в обществе?*

– Играет, но это уже не та поэзия, которая была значима в 60-80-е годы XX века. Тогда все мы увлекались современной поэзией и поэзией Серебряного века. И Золотого века тоже. Сейчас широкие народные массы получают поэзию в виде песен. Это даже не поэзия, это её эрзац. Песни (мелодии) могут быть хорошими, но поэзия, не всегда на уровне... Настоящей поэзией сейчас занимаются небольшие группы россиян. Но таких групп много. В Питере, Москве и других крупных городах практически ежедневно проходят встречи и выступления поэтов. Книги выходят, правда, мизерными тиражами. Интенсивная поэтическая жизнь происходит в Интернете, особенно в Живом Журнале и в Фейсбуке.

– *Что значит быть поэтом?*

– Это значит заниматься чем-то маргинальным, несерьёзным, не приносящим ни денег, ни славы.

– *Тогда почему вы и ваши единомышленники этим занимаетесь?*

– Поэзия – это попытка создать что-то параллельное реальной действительности. Не такое же эфемерное как сама жизнь, а более устойчивое. Если нам суждено кануть в вечность, то, быть может, стихи или мысли останутся. Или, если хотите, с помощью стихов мы не только кодируем бытие, но и расшифровываем его. Поэзия – ДНК самой жизни... И прелесть в том, что каждый поэт расшифровывает свою ДНК (Дезоксирибонуклеиновую кислоту) ...

– *Какая поэзия нужна в России и на Западе?*

– Поэзия нужна там, где её нет. И, прежде всего, тем, кто её не читает и не понимает. Мне кажется, что поэзии (отдельному стихотворению) необходимо присвоить статус произведения искусства. Пусть стихотворение переводится в арт-объект и выставляется в музее или в галерее современного искусства. И пусть на улицах нас тоже подстерегают стихи. Допустим, я пошел в магазин за продуктами, а по пути наткнулся на стихотворение, которое торчало прямо из цветочной клумбы...

– *Это похоже на фантастику!*

– А вот случай уже из реальной действительности. Помню как несколько лет тому назад (лет десять уже) в вагонах питерского метро в течение всего лета были выставлены небольшие плакаты (афишки) со стихами российских и английских поэтов. В общей сложности 32 стихотворения. И люди их читали. Ехали утром на работу и вечером с работы и читали, читали, читали...

А в Гааге мне как-то (кажется в 1999 году) попался на глаза совершенно белый трамвай, на боках которого были написаны стихи Иосифа Бродского. Зрелище незабываемое... На твоих глазах стихотворение как бы материализуется. Действительно становится весомым и зримым.

– *Кто самый главный враг поэзии?*

– Романы и кинофильмы. Плохие романы и длинные кинофильмы. Но я не против короткометражек и анимационного кино. Лично я не понимаю, почему я должен читать роман длиной в 300-400-500 страниц. Например, я очень люблю статьи и эссе Умберто Эко. Я преклоняюсь перед его остроумием и интеллектом. Но зачем он пишет романы? Чтобы доказать, что он умеет их писать? Всякий раз, когда я усаживаюсь за чтение его нового романа, я ощущаю себя человеком, которого посадили в тюрьму. Стихотворение не лишает меня свободы, а роман (даже увлекательный) лишает. Один из последних романов Умберто Эко «Таинственное пламя царицы Лоаны» (*La misteriosa fiamma della regina Loana*) я прочитал до 132 страницы (примерно одну четвёртую часть). Я согласен с тем утверждением, что этот роман очень интересный. И движимый читательским интересом я мог бы его прочитать до конца. Но я не хочу подталкивать себя таким способом. Роман меня закабалает, делает рабом чтения... А я хочу оставаться свободным. Повторяю, стихи (а также рассказы, эссе) не лишают меня свободы.

– *Вы хорошо знаете современную западную литературу. Что вы думаете о ней?*

– Я любитель малых форм. Скажем, рассказы Томмазо Ландольфи я предпочитаю романам Умберто Эко. Рассказы Хулио Кортасара (и его стихи) я ценю выше его романов. Может быть, исключение я бы сделал для романа «Игра в классики». Малые произведения я могу перечитывать, а длинные романы я вряд ли буду перечитывать. Я люблю короткие вещи (рассказы, притчи) Ролана Топора, Жака Стернберга и Алехандро Ходоровского. Недлинные пьесы Фернандо Аррабала я тоже люблю. Рассказы Милорада Павича я предпочитаю его романам.

– *Насколько для вас важно перечитывать те или иные произведения?*

– Очень важно. По большому счёту мне интересны только те тексты, которые я без конца перечитываю и буду перечитывать. Вещи одноразового прочтения, а таких очень много в современной литературе, мне неинтересны...

– *Хорошие кинофильмы вы тоже смотрите помногу раз?*

– Разумеется. Например, фильмы Микеладжело Антониони «Крик», «Приключение», «Ночь», «Затмение», «Blow up» я смотрел неоднократно. Только при повторном просмотре фильм становится частью тебя самого.

– *Что вы думаете о нынешней популярности афористики? Это просто мода или эффектный способ выражения современности?*

– Действительно, можно говорить о буме афористике, например, в Интернете. Много всевозможных сайтов, на которых выставлены афоризмы, фразы, мысли, суждения нынешних авторов и классиков этих жанров. Можно подписаться на рассылку и каждое утро получать цитату дня. Оживлённая афористическая жизнь наблюдается и в FACEBOOK'е. Я сам регулярно выставляю свои мысли, свои афоризмы в своём аккаунте, на так называемой стене. Выставляю афоризм, и мгновенно получаю отклик. Это действительно похоже на чудо. В голове никак не укладывается. В прежние, доинтернетные, времена такого, конечно же, не было. Я пока затрудняюсь дать в целом оценку этой ситуации. Ясно одно: расстояние между автором и читателем сократилось до предела.

– *Это совершенно новая реальность?*

– Конечно! Раньше афоризмы, которые я создавал и записывал в тетрадь, очень долго отлёживались на бумажных страницах, набирались сил. Спустя какое-то время я мог их опубликовать в какой-нибудь газете или журнале. На это порою уходили годы. Теперь же мне не надо ждать. Я что-то придумал и сразу же выставил.

– *Спешка – это не всегда хорошо?*

– Именно так. Некоторые свои мысли я всё-таки не спешу выставлять. Я жду внутреннего сигнала. Кто-то внутри меня (может быть, это я сам) должен сказать мне: Пора! И вот тогда я выставляю свою мысль.

– *Какие-то афористические сайты (острова) вы можете выделить в необозримом океане Интернета?*

– Их много. Но всё же я бы особо отметил то, что делает Fabricio Caramagna. Его сайт (<http://aforisticamente.com>) впечатляет. Он выставляет афоризмы авторов со всего света. Выставляет большими подборками и с предисловиями (преамбулами). И что очень ценно: на языке оригинала и в переводе на итальянский. Не могу удержаться, чтобы не похвастаться.

– *Чем похвастаться?*

– Я был первым автором из России, чьи афоризмы появились на этом сайте.

– *Какая, на ваш взгляд, конечная цель афористики? Для чего вы пишете афоризмы? Спрошу, что называется, прямо: чтобы стать мудрецом, властителем дум?*

– Я неоднократно повторял и не устану повторять: для меня создание афоризма – это поэтический процесс. Поэтическая работа. Поэтическое творчество, в котором есть свои взлёты и падения. Мудрость – это другой процесс. Я не ставлю для себя цели кого-то поучать, наставлять на путь истинный. Я – не проповедник, не моралист. И вообще, я не хочу брать на себя роль мудреца. Не хочу притворяться мудрецом. Если какие-то из моих афоризмов и выглядят мудрыми, то это исключительно заслуга самой поэзии. Это демонстрация её возможностей и её силы.

– *Вы – почётный член Французского общества покровительству юмора. На ваш взгляд, над чем нам надо (или не надо) смеяться сейчас? И над чем смеются в России?*

– История с моим почётным членством – сама по себе немножко смешная. В 70-х годах прошлого века я активно занимался изучением рисованного юмора и в частности творчеством французских художников. Такие рисовальщики как Bonnot (Claude Favard) и Jean-Pierre Desclozeaux придумали это общество. Они регулярно устраивали выставки карикатуры и чёрного юмора в Гренобле и в Авиньоне. Я написал письмо в это общество. Объяснил, чем я занимаюсь. Попросил прислать каталоги выставок для изучения. Каталоги мне действительно прислали, а также сообщили о том, что меня приняли в почетные члены этого общества. Этот факт меня очень обрадовал. И он долгие годы, если так можно сказать, грел меня...

– *Насколько я знаю, в те времена между Россией и Западной Европой существовал «железный занавес». Он вам мешал?*

– Он мешал всем. И самое обидное состояло в том, что вот, например, художник посылает мне свой альбом рисунков (карикатур), а на таможне его изымают под каким-нибудь предлогом. Вообще-то это тема отдельного разговора. Скажу только, что, несмотря на колоссальные препоны и гнёт цензуры, какие-то книги и альбомы всё-таки доходили до меня. Со временем сложилась даже своеобразная коллекция довольно редких книг и альбомов. И спустя какое-то время (это были уже 90-е годы) я всё-таки написал довольно много статей о творчестве художников, в том числе и французских (Bonnot, Bosc, Mose, Roland Topor, Jean-Jaques Sempé, Jean Pouzet, André Francois, Maurice Henry). И главное, опубликовал эти статьи в различных газетах. То есть я вышел с этим интереснейшим материалом к широкому зрителю и читателю.

– В рисованном юморе вы разбираетесь. Но я задам вам более общий вопрос: над чем вообще надо смеяться?

– Не надо гадать, над чем смеяться или над чем не смеяться. Надо просто искать в окружающем нас мире что-то интересное, абсурдное, парадоксальное. Если найдём, то это уже само по себе вызовет радостный смех. В принципе и искать не надо. Парадокс сам появится на нашем горизонте тогда, когда нам этого хочется.

– Кстати, почему мы смеёмся над парадоксом?

– Над парадоксом мы смеёмся дважды. Первый раз, оттого что не понимаем. Второй раз, оттого что не можем понять.

– А если серьёзно, вы сами-то, над чем смеётесь?

– Я люблю скрытый (тайный) юмор. Скажем, в очень серьёзных фильмах Жана-Люка Годара (Jean-Luc Godard) просто бездна скрытого (парадоксального) юмора. За это и за многое другое я и люблю фильмы этого режиссёра. В своё время меня очень поразил фильм «Отсчёт утопленников» Питера Гринуэя (Peter Greenaway, *Drowning by numbers*, 1988). Совсем недавно меня восхитила анимационная лента Wywijaś (Выворачиваться) молодого польского автора Andrzej'я Jobczyk'a (<http://www.youtube.com/watch?v=bhalVHqpkmE>)

– Над чем смеются в России?

– Сейчас смеются надо всем. Юмористов развелось очень много. Юмористические программы есть почти на всех телеканалах. Но то, что преподносится в качестве смешного, таковым не является. Юмор, как это ни грустно, стал более простым, более примитивным, даже грубым.

– Интеллектуальный и тонкий юмор не в почёте?

– Запрос на интеллектуальный юмор есть. И, в принципе, есть творцы такого юмора. Их мало и к широкому зрителю они не выходят. По слухам эти юмористы работают в каких-то клубах. По правде говоря, мне не нравится сама идея профессионализации юмора. Это же смешно, когда появляются какие-то люди, которые знают, что именно вызовет смех. Я обеими руками (и особенно головой) за тот смех, который невозможно спрогнозировать.

– Михаил Савельевич, если я правильно вас поняла, то российские поэты (истинные поэты) демонстрируют различные образцы свободы духа и свободолобивого поведения. Иногда достойные подражания, иногда – нет. А кто сейчас отвечает в России за общий моральный климат? По-прежнему, интеллигенция, как в советское время? Что вообще с ней (с интеллигенцией) сейчас происходит?

– Трудный вопрос. Ответить на него нелегко. Но постараюсь ответить честно. Во-первых, не стоит думать, что интеллигенция едина, что она, в принципе, одна и та же. Что

существуют в России династии интеллигентов, которые насчитывают уже много поколений. В принципе, мы хорошо представляем себе династии актёров, циркачей, художников, писателей. А вот династий интеллигентов не существует. Каждая эпоха рождает своих интеллигентов. Скажем, российские интеллигенты конца XIX – начала XX века не похожи на советских интеллигентов 20-30-х годов XX столетия, а интеллигенты 60-х годов (шестидесятники) сильно отличаются от нынешних интеллигентов.

– *А есть ли сейчас интеллигенты?*

– Хороший вопрос. Интеллигенты всё время были. И в 60-е, и в 70-е, и в 80-е годы. А потом...

– *Что случилось потом?*

– Как ни грустно мне в этом признаваться, в 90-е годы в российском обществе исчез запрос на интеллигенцию. И появился запрос на других людей.

– *На каких?*

– На специалистов, экспертов, менеджеров. Вообще, на деловых людей. На всякого рода self-made man'ов. Общество стремительно менялось, и ему были нужны некомплексующие люди, активно работающие во всех областях. И, естественно, они появились. А вечно ноющие и вечно плачущие интеллигенты (простите за такие эпитеты) отошли куда-то в тень.

– *Но ведь не исчезли совсем?*

– Нет, конечно. Просто исчезли с телеэкранов. И появились, так сказать, новые кумиры, новые звёзды, новые властители дум....

– *И как долго в новой России люди поклонялись экспертам и специалистам?*

– Такая ситуация длилась довольно долго, лет 15-17. Но в последнее время в российском обществе вновь появился запрос на интеллигенцию. То есть на людей, которые заставляют думать и внушают моральное беспокойство.

– *И с чем вы связываете такой запрос? Почему вдруг интеллигенты вновь стали востребованными?*

– У меня есть своя точка зрения на эту проблему. Но я не социолог, я поэт, который, говоря словами Александра Блока, «ухо приложил к земле». Так вот, я ухо приложил к российской земле, и понял, что в самом обществе произошли какие-то очень важные перемены. И эти перемены вновь вызвали интерес к интеллигенции.

– *Объясните поподробнее, если не трудно.*

– Я хочу сказать, что в 90-е годы российское общество было стремительным, динамичным, быстро меняющимся. И потребности в мятущихся интеллигентах не было. А

теперь, увы, мы опять оказались в «застойной эпохе». Правда, это уже отдельная тема для разговора, и в ней не так уж и много поэзии...

– *Вы хотите сказать, что для интеллигенции опять наступает звёздный час?*

– Вот именно. Нынешняя интеллигенция, как мне кажется, должна показать обществу его моральную изнанку. Помните, как в шекспировском «Гамлете», датский принц показывает своей матери два медальона, два изображения. Одно изображение истинного человека, а другое – изображение вероломного подлеца... Вот и нынешняя интеллигенция пытается показать и объяснить обществу, кто есть кто. А если говорить другими словами, то в российском обществе, которое устало от неправды и полуправды, вновь появился запрос на честность и справедливость.

– *И как быстро, на ваш взгляд, восторжествует честность и справедливость?*

– Не хочу быть пророком. Но ясно одно: процесс этот уже неостановим...

– *А поэты участвуют в этом процессе?*

– Участвуют. Гражданские поэты (или поэты активного высказывания) участвуют интенсивнее, заметнее. Сатирическая поэзия вновь оказывается востребованной. Достаточно заглянуть в Интернет. Но и лирические поэты тоже не спят. Они уже проснулись...

– *А теперь, если так можно сказать, международный вопрос. В 60-х годах итальянская интеллигенция и советская имели очень хорошие связи. Надо ли их возобновлять?*

– Разумеется, надо. Пусть художники дружат с художниками. Поэты с поэтами. Музыканты с музыкантами. Соответственно и переводчики тоже пусть дружат с переводчиками. В каком-то виде это сейчас и происходит. Может быть, не так интенсивно, как 30-40 лет тому назад, но происходит.

– *Вам нравится то, что ваши произведения (афоризмы и стихи) в последнее время довольно активно переводятся на итальянский язык и публикуются в журналах?*

– Это очень приятно. Это просто греет мою душу. И стимулирует к дальнейшим творческим поискам...

Беседовала Francesco Tuscano

Франческа, в интервью я цитирую стихотворение Блока. Вот оно!

//////////

Александр Блок

«Я ухо приложил к земле...»

Я ухо приложил к земле. Я муки криком не нарушу. Ты слишком хриплым стоном
душу Бессмертную томишь во мгле! Эй, встань и загорись и жги! Эй, подними свой
верный молот, Чтоб молнией живой расколот Был мрак, где не видать ни зги! Ты
роешься, подземный крот! Я слышу трудный, хрипый голос.. Не медли. Помни:
слабый колос Под их секирой упадет... Как зерна, злую землю рой И выходи на свет.
И ведай: За их случайною победой Роится сумрак гробовой. Лелей, пои, таи ту ночь,
Пройдет весна – над этой новью, Вспоенная твоею кровью, Созреет новая любовь. 3
июня 1907

////////////////////////////////////